

— Фактически, Яо Ухуань присматривал за Лу Цзяньнянем уже довольно давно, — произнес он.
— Чтобы доказать искренность своих намерений, я могу для начала раскрыть часть своих способностей. Я способен узнать местонахождение любого Исполнителя задания, с которым когда-либо контактировал и чью личность я точно определил. В любое время, в любом месте — если я захочу, я буду знать, где он.

Их способности словно были созданы друг для друга: Лу Цзяньнянь обладал даром распознавания, а Яо Ухуань — даром отслеживания. Вместе они превращались в идеальный инструмент для того, чтобы скрываться от других Исполнителей.

— Почему я?

Этот вопрос Лу Цзяньняня, конечно, был не о том, почему Яо Ухуань выбрал его. Он спрашивал, как Яо Ухуань догадался, что он знает всё это, и почему решил довериться ему, первым предложив сотрудничество.

— Потому что ты спас меня. Если считать сегодняшний случай, то это уже третий раз.

Лу Цзяньнянь не спешил отвечать, переваривая услышанное. Вероятно, в детстве он действительно оказывался в подобной ситуации в детском саду, и по ряду причин — точно так же, как и сегодня, — преградил путь телохранителям Семьи Яо, которые собирались насильно увести Яо Ухуаня. Жаль только, что сам он этого не помнил.

Стирание памяти, через которое Лу Цзяньнянь прошел ранее, не было безупречным: он забыл многое, но какие-то смутные образы всё же остались. Когда Яо Ухуань заговорил об этом, воспоминания Лу Цзяньняня начали понемногу проясняться.

Он действительно встречал Яо Ухуаня в прошлом.

— Вижу, ты вспомнил. Тогда мне не придется тратить лишние слова, — Яо Ухуань внезапно поморщился от резкой боли, схватился за голову и согнулся пополам. Крупные капли пота мгновенно выступили на его лбу, а и без того бледное лицо потеряло последние следы красок. Он старался говорить ровно, не дрожащим голосом: — Моя детская ипостась скоро проснется. Увидимся завтра вечером. И последнее — пусть с опозданием на столько лет, но всё же: спасибо, что тогда спас меня.

Как только боль немного утихла, Яо Ухуань растворился в ночной темноте. Один бог знает, как он здесь оказался и как ушел.

Лу Цзяньнянь, чьи мысли теперь напоминали потревоженную гладь озера, не мог сомкнуть глаз. Ростом всего в метр десять, он лежал на детской кроватке, плотно закутавшись в одеяло с Человеком-пауком, и смотрел на знакомый голубой потолок, расписанный фигурками чиби-супергероев: Суперменом, Бэтменом и другими. В ногах кровати теснились плюшевые игрушки — и, без исключения, это были оригинальные фигурки супергероев, включая даже Мстителей,

которые в то время еще не стали популярными. В детстве, когда Лу Цзяньяню становилось страшно, они всегда дарили ему бесконечную отвагу и силы.

Став взрослым, Лу Цзяньянь перестал бояться рук, тянущихся из-под кровати, или монстров в шкафу. Однако поводов для тревоги меньше не стало — взять хотя бы вездесущих Исполнителей заданий и их Системы. Это была психологическая травма, которую не могли исцелить даже супергерои.

В конце концов, Лу Цзяньянь оставил попытки уснуть и начал анализировать огромный объем информации, полученный от Яо Ухуаня. После того разговора в его памяти восстановилось многое из того, что было утрачено.

Картина сложилась, мысли прояснились.

История началась с самого начала. Воспоминания детства Яо Ухуаня были довольно просты: они вращались вокруг череды похищений. Да, именно череды.

Преступников, желающих похитить детей богачей, всегда было гораздо больше, чем можно себе представить. Самая большая ошибка доверчивых людей — недооценивать глубину зла, на которое способны негодяи. Случай с Яо Ухуанем был не просто похищением — масштаб и сложность заговора встречались редко.

Несколько группировок одновременно решили похитить Яо Ухуаня, причем выбрали один и тот же день — совсем как в криминальной комедии, которую однажды смотрел Лу Цзяньянь, где разные банды в один день решили ограбить один банк.

Схема действий похитителей выглядела примерно так:

Первая группа — если это можно назвать группой, скорее, частное предприятие, мелкий бизнес. Это был тот самый водитель, который по ошибке отвез Яо Ухуаня не в тот сад. Он сделал это намеренно, но не хотел вредить мальчику, даже не планировал раскрывать факт похищения. Он просто хотел выиграть время и потребовать у Семьи Яо выкуп, чтобы оплатить лечение своей тяжелобольной дочери.

Увы, его планы рухнули, едва начавшись. Водитель с самого начала был лишь пешкой в чужой игре, и, как только он доставил мальчика, его безжалостно устранили — «богомол, охотящийся за цикадой, не замечает иволги за спиной».

Вторая группа была представлена тем самым телохранителем с короткой стрижкой — это были люди Третьего дедушки. Разрозненная банда, набранная на черном рынке, работавшая на дядю из боковой ветви рода. Третий дедушка не собирался причинять вред ребенку, ведь они были кровными родственниками. Он просто хотел использовать Яо Ухуаня, чтобы выбить деньги из главной ветви семьи и покрыть колоссальные игровые долги своего непутевого сына, о которых боялся сообщить открыто.

Третья группа была самой опасной. Телохранитель с короткой стрижкой тоже был их человеком, но лишь рядовым исполнителем, засланным шпионом. Скажем так: он получал две зарплаты за одну и ту же работу. На самом деле он подчинялся третьей группе — организованной и дисциплинированной международной наемной группировке под названием Собачьи Клыки.

Их капитан получил заказ из неизвестного источника, и задача была четкой: устранить мальчика, подставить других и спровоцировать внутреннюю смуту в Семье Яо.

Здесь даже обычный человек заметит: сколько бы групп ни пытались похитить Яо Ухуаня, с самого начала всё было спланировано Собачьими Клыками. Ловушка была расставлена еще в тот момент, когда сын Третьего дедушки влез в долги.

Как только Третий дедушка решился на преступление ради спасения сына, телохранитель прикинулся наемником и внедрился в его команду. Параллельно Собачьи Клыки подстрекали того самого водителя-одиночку, подталкивая его к рискованному шагу, чтобы с самого начала запутать следы для службы безопасности Семьи Яо.

То, что произошло вчера днем, было лишь спектаклем, разыгранным Собачьими Клыками, чтобы разоблачить Третьего дедушку, стоящего за телохранителем. Спугнув змею, они добились того, что Семья Яо усилила охрану. Позиции Семьи Яо в стране были еще слабыми, и спешное увеличение штата охраны лишь создало уязвимости. Это позволило телохранителю объединиться с настоящими членами Собачьих Клыков, внедренными в Семью Яо, чтобы в мутной воде похитить ребенка и устранить его.

План был безупречен. Всё-таки работали профессионалы.

Нормальная хронология событий содержала детали, которые всплыли в памяти Лу Цзяньяня, лишь когда он окончательно провалился в сон.

Например, хотя Яо Сяохуань после ошибки водителя и встретил маленького Лу, он не проявлял к нему такой непонятной тяги и привязчивости, как сейчас.

Однако послушный маленький Лу, следуя наставлениям дяди Шиу по телефону, добросовестно заботился о болезненном ребенке. К несчастью, вернувшись вечером домой, маленький Лу — будучи еще настоящим ребенком — не смог разоблачить ложь телохранителя, чем и воспользовались Собачьи Клыки. Яо Сяохуань от испуга серьезно заболел, и с тех пор его больше не водили ни в один детский сад.

Но маленький Лу запомнил того мальчика с необычным цветом волос. При поддержке родителей и движимый детской наивностью, он в итоге подружился с Яо Сяохуанем и время от времени бегал к ним в гости. Так они обнаружили секретную тропинку через кусты между их домами — только они двое знали о ней. Дорога была длинной, для детей — целое путешествие через горы и леса, но очень полезное.

Это была одна из причин, почему Яо Ухуань мог посреди ночи пробраться к Лу Цзяньяню незамеченным.

Кхм, вернемся к сути. Однажды маленький Лу простудился и не пошел в сад. Когда родители ушли на работу, он от нечего делать (дети — существа энергичные, они не любят ни есть, ни спать) снова пробрался к Яо Сяохуаню.

И именно тогда он «мастерски» разрушил третий план Собачьих Клыков по похищению. Эта история, полная хитроумных уловок и смертельной опасности, потянула бы на целый фильм. Но правда в том, что наполовину всё решили случай, а наполовину — вмешательство некоего дяди Лэй Фэна, который не любил афишировать свои добрые дела. В итоге всё обошлось.

Вот почему Яо Ухуань сказал, что, включая этот раз в нынешней жизни, Лу Цзяньянь спас его уже трижды.

После череды попыток похищения отец Яо железной рукой зачистил все остатки сил, стремившихся дестабилизировать Семью Яо, но мама Яо всё же решила увезти сына за границу. Она настаивала, что причина нападений — в недостаточно прочном положении Семьи Яо в стране, и что лучше вернуться в США, где их семьи десятилетиями создавали защищенную, словно крепость, базу.

В итоге, ради безопасности сына и сохранения отношений между ветвями рода, Семья Яо решительно изменила планы: они продолжили инвестировать в страну, но скорректировали масштабы и направления.

Позже Семья Яо через разные каналы сотрудничала с Семьей Лу, отдавая должное спасению их ребенка, но с тех пор маленький Лу больше никогда не видел Яо Сяохуаня. Когда между вами Тихий океан, трудно сохранить прежнюю близость.

Кто из нас, будучи уже за двадцать, сможет сразу вспомнить имя друга из детского сада? Ответ очевиден: большинство не назовет. В лучшем случае останется смутный образ — «у него были косички» или «щеки всегда красные, как яблоки».

Не говоря уже о том, что у Лу Цзяньяня эта часть памяти была стерта.

Кстати, о памяти. После того как воспоминания были спровоцированы Яо Ухуанем, Лу Цзяньянь припомнил еще кое-что любопытное, что собирался проверить завтра.

В любом случае, общий опыт помог Лу Цзяньяню отбросить часть осторожности. Однако вопросов стало только больше. Лишь получив удовлетворительные ответы, он начнет всерьез рассматривать сотрудничество.

На следующее утро Лу Цзяньянь, протирая заспанные глаза, спустился по лестнице и... увидел

в собственной гостиной Яо Ухуаня, дожидаящегося его в версии «маленького ребенка».

На этот раз Яо Сяохуань не был напуган вчерашними событиями, напротив, выглядел необычайно энергичным. Он встал ни свет ни заря, твердя, что хочет идти в школу вместе с Лу Цзяньнянем.

Мальчик был одет в эффектный, похожий на косплей военный мундир — от игрушечного пистолета до фуражки, всё было подобрано идеально. Любая вещь, уменьшенная до детских размеров, выглядит мило, а с природной внешностью Яо Ухуаня — тем более. Даже Сестра Лушний раз посмотрела на него, хотя обычно она была равнодушна ко всем, кто не входил в круг семьи. Похоже, Яо Ухуань становился исключением.

Увидев Лу Цзяньняня, Яо Ухуань, помахивая своими приметными белыми волосами, бросился к нему. Он обнял его и не собирался отпускать, терся и чмокал, как смесь пациента с дефицитом тактильных ощущений и гиперактивностью.

Похоже, проявление болезни у Яо Сяохуаня было серьезнее, чем у Яо Дахуаня, — во всяком случае, он не мог так сдерживать эмоции. Его отчаянное желание нравиться буквально сбивало с ног. Это создавало яркий контраст с холодным и порочным Яо Дахуанем, встреченным вчера вечером. Лу Цзяньняню вдруг захотелось узнать, что же произошло с Яо Ухуанем за эти годы, раз он превратился из милого ребенка в такого... неприятного человека.

— Почему ты так оделся? Тоже мама заставила? — с сочувствием спросил Лу Цзяньнянь, погладив его по голове. Хотя Яо Дахуань ему не нравился, этот малыш заслуживал заботы.

Сам Лу Цзяньнянь сегодня был в шерстяном джемпере с высоким горлом и прямых брюках — типичный образ главного героя молодежной драмы (в уменьшенном виде). Мама Лу всё утро играла с ним, как с куклой из серии Чудо Яньнянь, переодевая десятки раз. Вроде бы просто обычный наряд, но «обычность» была подобрана с величайшим тщанием. Мужчинам не понять женщин.

Яо Сяохуань покачал головой: — Я сам попросил маму меня так нарядить.

— А? — Лу Цзяньнянь был изумлен. Так бывает?

— Мама сказала, что если кто-то нравится, надо одеться красивее, чтобы ты тоже меня полюбил!

Лу Цзяньнянь не хотел быть самовлюбленным, но, судя по количеству и качеству людей, с которыми в последнее время контактировал Яо Сяохуань, он явно был тем, кто ему больше всего нравился: — Я бы любил тебя, даже если бы ты не наряжался.

— Тогда, если я буду красиво одет, ты будешь любить меня еще сильнее, хорошо? — Яо

Сяохуань умел добиваться своего и был до того возбужден, что сиделке Семьи Яо, следящей за состоянием ребенка, пришлось дать ему лекарство. Способность так сильно привязаться к кому-то, что приходится пить успокоительное, — это действительно пугало.

Лу Цзяньнянь осенила мысль: интересно, помнит ли Яо Ухуань по ночам, как ведет себя днем? Наверное, что-то в памяти остается, иначе как бы он вчера так точно узнал, что Лу Цзяньнянь обладает воспоминаниями взрослого?

Другими словами, Яо Ухуань был вынужден наблюдать за собственными глупостями, не имея возможности вмешаться. Довольно жалко.

Уныние от того, что Лу Цзяньнянь вынужден участвовать в детских играх, как рукой сняло. Ну да, всё познается в сравнении!

Лу Цзяньнянь пообещал, что будет любить его еще сильнее. Яо Сяохуань от радости сделал круг по комнате и принял еще одну таблетку.

— Завтра я надену еще более крутой наряд! — заявил он с амбициями.

Лу Цзяньнянь решил, что логика маленьких детей для него непостижима.

В детском саду нового Учителя Ли не было. Похоже, он уже оплатил за свои вчерашние поступки. Неизвестно только, когда придет официальное уведомление о его переводе.

Ли Сян, правда, пришел, но к Лу Цзяньняню больше не лез — вел себя как самый обычный ребенок.

Яо Ухуань стал приходящим учеником в старшей группе. С этого момента нынешняя жизнь начала сильно отличаться от предыдущей: Яо Сяохуань наотрез отказался «отдыхать дома» и настоял на посещении занятий, причем обязательно в одном классе с Лу Цзяньнянем. Отец и мать Яо души не чаяли в своем единственном ребенке, который из-за здоровья был лишен многих радостей детства, поэтому потакали ему во всем, лишь бы он оставался в относительно спокойном состоянии духа.

Да, в спокойном.

У пациентов с таким расстройством плохо как от тоски, так и от чрезмерной радости. Грусть, многократно усиленная, грозит аутизмом, а избыток веселья может привести к маниакальному состоянию.

Мания — это не только вспышки гнева, это прежде всего крайнее возбуждение, беспричинный эмоциональный подъем, повышенная болтливость, двигательная активность и иногда галлюцинации.

Ни аутизм, ни мания не были тем, чего Семья Яо желала для Яо Ухуаня.

Изначально состояние Яо Сяохуаня клонилось к депрессии, но встреча с Лу Цзяньнянем сбалансировала его. Однако любовь к Лу Цзяньняню стала для него одновременно спасением и проклятием. Его внезапная, сильная и, похоже, долговременная привязанность бросала его из одной крайности в другую.

Семья Яо не решалась разлучать их, боясь, что гнев Яо Ухуаня спровоцирует маниакальный психоз.

Короче говоря, Яо Ухуань, склонный к паранойе, при любом раскладе рисковал сойти с ума. Его состояние зависело от душевного равновесия даже больше, чем от врожденного порока сердца, но если больной сердцем может регулировать нагрузки, то Яо Ухуань из-за особенностей своей психики — нет.

Яо Сяохуань прижался к Лу Цзяньняню и неуверенно спросил: — Яньян, ты будешь всегда, всегда меня любить?

Лу Цзяньян вздохнул про себя: что поделать, если он болен. — Да, я буду тебя любить.

Настроение Яо Сяохуаня мгновенно прояснилось: — Я тоже больше всех люблю Яньян!

— Почему? — не сдержался Лу Цзяньян. Этот Яо Ухуань очень отличался от того, которого он знал в прошлой жизни. Хотя они тоже были друзьями, такой навязчивости не было.

Разница была лишь в том, что этот Яо Сяохуань обладал памятью взрослого. Неужели они влияют друг на друга? Не только Яо Дахуань знает действия Яо Сяохуаня, но и малыш подвержен влиянию взрослого? Нет-нет, ночной Яо Ухуань не проявлял особой любви к Лу Цзяньняню. Напротив, его высокомерие всегда вызывало у Лу Цзяньяня раздражение. Они могли быть хорошими партнерами, но не более.

— Какое еще почему? — Яо Сяохуань склонил голову, глядя на него так, будто Лу Цзяньян был всем его миром.

— Почему ты меня любишь? — переспросил тот.

Серебристо-дымчатые глаза Яо Сяохуаня ярко блеснули, словно редчайший драгоценный камень: — Конечно, потому что люблю! Яньян — лучший в этом мире! Единственный и неповторимый!

— А без причин?

— Обязательно должны быть причины?

Непонятно почему, но между ними развернулась бессмысленная дискуссия, полная философии, которую вряд ли понял бы даже взрослый. Нужна ли причина, чтобы любить?

Лу Цзяньяннь одновременно хотел, чтобы причина была, и не хотел, чтобы она существовала.

В общем, всё было очень запутанно.

Утро пролетело быстро. Во время обеда Яо Сяохуань вновь продемонстрировал свою беззаветную любовь: он не мог есть горошек, но пихал его в рот, лишь бы Лу Цзяньяннь не подумал, что он привередлив в еде.

К счастью, Лу Цзяньяннь вовремя вспомнил прошлое: — Я помню, у тебя аллергия на горошек, верно? — он выбил ложку из рук мальчика.

В той, другой жизни, Лу Цзяньяннь еще подшучивал над ним: в сказке была Принцесса на горошине, а Яо Ухуань — Принц на горошине.

<http://bllate.org/book/21642/2233351>